



Свідчення

Доля однієї людини – в круговерті історичних подій

Кожне свідчення про ту чи іншу подію – це незрима лінія зв'язку між минулим і теперішнім, це – місток, що прокладається у майбутнє. Мало кому відомо, що у с. Вовчиці, в роки війни, побували й польські партизани. Про це свідчать листи колишнього командира партизанської бригади Миколи Куницького (псевдо – Муха-Михальський), які були надіслані із Польщі учням нашої школи і зберігаються нині у шкільному музеї історії рідного краю.

Подається до друку, згідно з оригіналом (без правок).

«Я, куницький миколай, поляк ур. 18.XI.1914 г. в Бресткой обл. Кобринского р-на, окончил среднюю школу польскую в Кобрине. В 1939 г. был я участником войны, только немецкой, и с этой же войны вернулся 22.X.1939 г. (2 раза бежал с плена) в Городец, где жила моя мать, 3 сестры и 4 брата, отец помер в Лакве, в 1920 г., был железнодорожником. По русски я разговаривал на 70%, но читать я не умел, а на хлеб зарабатывал аккордеоном и баяном, играл я на свадьбах, музыках, в школах, митингах. В июле 1942 г., т.е. во время гитлеровской оккупации, немцы змобилизовали меня силой в новоорганизованный 104 Баталион Полиции в Кобрине капелмейстром и меня послали в немецкую офицерскую школу на 4 месяца и вышел фельдфебелем, а как вернулся в 104 Баталион, то авансовали меня лейтенантом. В январе 1943 г. я командовал 4 ротой полицейской (которую гитлеровцы готовили на фронт африканский) и немцы приказали мне выехать в Столина, а из Столина в Высоцк на борьбу с партизанами, которые прибыли на Ровенщину с Бранских лесов. 20 января 1943 г. моя 4 рота в количестве 147 человек поляков, белорусов, а также с нами было 16 немецких офицеров и унтер-офицеров немецких, 14 офицеров фольксдойчев. т.е. разом 177 человек. В моей роте я организовал 26 человек антигитлеровцев-подпольщиков.

В начале февраля гитлеровское командование 16 человек дало мне приказ приготовить 4 роту к выезду

Гауттман (капитан) кончил свою мову и сказал, чтобы я возгласил свою реч. Я выступил и начал свою мову: «Дорогие друзья полицейские! Вы слышали реч главнокомандующего нашей 4 роты пана гауттмана, а вам известно, что я его заместитель и вы будете непосредственно и первым долгом обращаетесь ко мне. Заявляю вам, что я буду требовать от вас слепого и безоговорочного послушества и военной дисциплины. Все приказы мои требую от вас выполнять безоговорчево. Может кому-нибудь из вас не будет травиться? Может который подумает, что приказ мой не реальный и не до выполнения, то он будет ошибается, бо каждый приказ это воинский закон, даже немцы часто говорят «бефель ист бефель» - значит «приказ есть приказом». Ито, что я буду делать и приказывать вы не должны мне сопротивляться». Гауттману понравилась моя мова. Конная колона 50 повозок и собственных 12 повозок с провiantом, боеприпасами двинулся из Высоцка в леса на север. Погода была хорошая. Мороз 9-10 градусов, снегу не было. Немцы ехали на 4

ликвидацию гитлеровцев, а 12 повозок с продуктами и боеприпасами оставили с собою, а врагов пустили под лед.

4 рота 104 Баталиона Полицейских перестала существовать. А уже назвался сильный отряд партизанский. Мы планировали идти в свои стороны Кобрин, Городец, Каршуская Береза, но днями высели над нашими лесами немецкие самолеты, а ногами не могли идти, бо не имели топографических карт.

Прошло несколько дней, а с роты 147 человек осталось 97, а 50 дезертировало – часть к немцам в 104 Бат., а часть по домам. Прошло несколько дней. А мы переправились через Стыр в Старых Конях и остановились в лесу 2 км от села и в тоже время наехало 26 кавалеристов немецких и мы их уничтожили, забрали лошади, седла, оружие. На второй день после обеда пришло к нам 3 человека. Это был командир отряда Мисюра Степан, комиссар Беляков и ординарец на переговоры, чтобы мы к ним присоединились, но мы не согласились, а согласился только я на разговоры с генералом Василием Андреевичем Бегмой,

Морочна, Серник, Городна, Хиночи и других местности, как Столина, Высоцка, Дубровицы на боевые задания и диверсии. Отряд им. Чапаева провел много боевых операций и диверсий на Ровенщине. В июле 1943 г. получил я приказ од В.А.Бегмы оставит Кабанову отряд мой Чапаева и поехать в леса Владимирца на организацию соединения польских партизан №3. Этим соединением провел я много боев и диверсий в лесах Владимирца, Сарн, Дубровицы, Каменя-Каширского, Столина, Лютинска, Мозыря. Соединение выросло до 486 человек и 26 сентября 1943 г. передал я соединение Роберту Сатановському в лесах Мозыря, а сам с медсестрой Галиной Белецкой из Клесова, ординарцем Станиславом Бжозовским и ездовым 2 повозок с оружием, боеприпасами по приказу ген.Бегмы уехал в леса Столина на организацию советско-польского отряда им.Сталина.

Этим же отрядом воевал в лесах Столина, Лютынска, Дубровицы, Новаки, Рафаловка, Сарны, Цумань и брал участие освобождения г.Ровно 1-2-3 февраля 1944 г., а 19 февраля по приказу Украинского Штаба партизан. движения ген. Строкача в Киеве пошел я снова на тылы врага. Линию фронта прошел между Ковелем и Каменем-Каширским и пошли мы на Дивин, Самары потом повернули в леса Любомля, Шацка, форсировали мы р.Буг недалеко Влодавы в Польше.

29 сентября 1944 г. получил я с УШПД разрешение закончить партизанские действия на тылах врага и перейти линию фронта. Отряд имел много повозок, нагруженных всякими трофеями и много повоз польских семейств, которые спасали свою жизнь от ржавого топора и ножа, находили в нашем отряде спасение от страшной смерти с рук бандеровцев.

Отряд счастливо перешел линию

белорусов, а также с нами было 10 немецких офицеров и унтер-офицеров немецких, 14 офицеров фольксдойчев, т.е. разом 177 человек. В моей роте я организовал 26 человек антигитлеровцев-подпольщиков.

В начале февраля гитлеровское командование 16 человек дало мне приказ приготовить 4 роту к выезду повозками деревенскими из Высоцка на 10-12 дней в леса северо-западные от Высоцка, на уничтожение советских партизан. Вокруг Морочна, Городна, Столина, Старых Конях, Хиночи и других местностях, а также уничтожать мирное население и грабить их хозяйства.

День выезда из Высоцка назначили на 8 февраля 1943 г., а подводы пришлют солтыса с окрестных сел в 7 часов утра.

Вечером этого же дня я собрал в школе своих подпольщиков 26 человек на совещание, чтобы в лесу за Высоцком уничтожит гитлеровцев и их помощников фольксдойчев. Утром 8 февраля после завтрака я построил роту возле школы, которую построили поляки в 1938 г., и там главный гитлеровец гауттман, весом 126 кг, вознес реч: «Дорогие полицаи! За 30 минут мы поедем в леса на уничтожение советских – красных бандитов, а также тех деревенских жителей, которые им помогают, кормят их, дают им повозки с лошадьми, обувь, одежду, белье и другие вещи. Их надо уничтожить. Скот, зерно, харчи, лошади и другие хорошие вещи мы заберем. Кто с вас будет хорошо и смело действовать – будет награжден. Власть и партия великой Германии про вас лично и ваших семьях не забудет! Вы лично получите землю, деньги, всякие ценные награды и на старость хорошие пенсии. Война уже скоро кончится, и каждый с вас получит хорошую должность и автомашины».

«...я буду делать и приказывать вы не должны мне сопротивляться». Гауттману понравилась моя мова. Конная колонна 50 повозок и собственных 12 повозок с провиантом, боеприпасами двинулся из Высоцка в леса на север. Погода была хорошая. Мороз 9-10 градусов, снегу не было. Немцы ехали на 4 повозках и я с ними на середине колонны. Карты топографические имел капитан. Отехали мы от Высоцка 4-5 км и доехали греблей на большую поляну. Я дал условным знаком, чтобы обставить нашу колону спереди, сзади и по бокам, чтобы никто из гитлеровцев и фольксдойчев не удрал, а 4 повозки с немцами обставить с зараженным оружием. Вся колонна нашлась уже на греблях на открытой поляне. Я прыгнул с повозки и дал длинный и громкий свисток. В этой же секунде, как град, посыпались выстрелы по немцам и фольксдойчам. Деревенские лошади перепугались и свернули с гребли в канавы, ломая лед. Крик людей и лошадей представил в ужас и панику. Немцы не имели возможности обороны, падали с повозок прошитые пулями. Капитан раненый упал с повозки и хотел добыть пистолет «парабел» из кабуры, но подбег к нему подпольщик, дал очередь из пулемета, но пуля прошла немца, попала в гранаты за поясом и гаутмана разорвало наполовину и разорвало планшет с картами топографическими. Эта боевая операция длилась 2-3 минуты. Враги все погибли. Ни один полицейский не дал выстрела в обороне немцев и фольксдойчев, бо в этой суматохе и панике не могли разобраться, кто подпольщик, а кто не, кто за кем, а кто против нас.

По уничтожению врагов все повозки с деревни мы отравили домой и они разоблачили про

немецких и мы их уничтожили, забрали лошади, седла, оружие. На второй день после обеда пришло к нам 3 человека. Это был командир отряда Мисюра Степан, комиссар Беляков и ординарец на переговоры, чтобы мы к ним присоединились, но мы не согласились, а согласился только я на разговоры с генералом Василием Андреевичем Бегмой, который находился в селе Сварицевичи километров 20-25 от нас. Я взял с собою 4 своих солдат с партизанскими лошадьми – мы поехали к генералу, но мы не доехали в Сварицевичи, бо настал вечер, а через Стыр переправил нас житель села Вовчицы, там нам жители села Вовчицы дали ужин со спиртом и мы лягли спать на мягкой соломе и чистой постели. Утром приехал Мисюра с Беляковым и мы поехали в Сварицевичи. На переговорах я согласился войти в склад отрядов генерала Бегмы и на второй день утром мы поехали лошадьми в мой отряд в лесу Старые Кони, с командиром Вас. Кабановым, комиссаром Беляковым и еще с нами генерал выслал 10-12 конников, которые заагитировали моих людей остаться в отрядах генерала. Отряд свой я привел в село Вовчицы, где мы были на квартирах 6-8 дней, т.е. как гитлеровцы из Морочна и Серник напали на село Дубровск, и я устроил на них засаду на гребле Дубровск-Серники. Кабанов как командир, а я его заместитель, в засаде не брал участия. В засаде немцы не имели никаких шансов обороны, бо по обух сторонах был тонкий лед, вот и по этому немцы понесли потери 98 убитых и раненых, а у нас не было даже раненых. Мы взяли трофеи 2 пулемета, несколько штук всякого оружия и 2 повозки с вещевыми мешками, одялами, патронами. После этого боя присвоили отряду им. Чапаева. Уже был месяц-март и отряд двинулся в леса Погоста,

партизанские действия на тылах врага и перейти линию фронта. Отряд имел много повозок, нагруженных всякими трофеями и много повоз польских семейств, которые спасали свою жизнь от ржавого топора и ножа, находили в нашем отряде спасение от страшной смерти с рук бандеровцев.

Отряд счастливо перешел линию фронта, без никаких потерь, но были раненные с моей стороны, а немцам задали мы большие потери в живой силе и технике. По приказу ген. Строкача расформировал отряд. А отчет здав в Киеве у УШПД.

На закончение этой моей короткой описи тяжелых лет гитлеровской оккупации хочу поблагодарить от имени всех моих отрядов партизанских жителей села Вовчицы, которые нам помогали. Кормили нас, женщины измученными руками выпекали нам хлеб, приносили нашим больным и раненым партизанам последнюю кружку молока, меду, сметаны, неоднократно отнимая с уст своим детям, а мужчины угощали нас табаком, были проводниками диверсионных групп на железнодорожные пути, давали сено и овес нашим лошадям, мололи зерно в жорнах на хлеб, достали скот, свини на мясо нам, партизанам.

Благодарю всех жителей Ровенщины за всякую помощь нам, партизанам. Жители Ровенщины посылали в наши отряды наилучших своих сыновей и дочерей, которые храбро воевали «За нашу и Вашу Родину».

Бывший командир партизанских отрядов Куницкий Миколай, псевдо Mucha Михайльский, подполковник запаса“

Підготовив Олександр Гнатович ШВАЯ, вчитель суспільних дисциплін Вовчицької ЗОШ I-II ст., завідувач музею історії рідного краю